

составляютъ безсодержательную фразу, непозволительную для тѣхъ, кому знакомо понятіе объ исторіи. Наука,—не говоря о томъ, что она была бы нужна уже для одного достоинства чело-вѣческой личности, —необходима была для самыхъ реальныхъ интересовъ государства и народной жизни. Но ея у насъ не было, и чтобы ввести ее, не оставалось ничего иного, какъ сдѣлать то самое, что дѣлалъ Петръ Великій: заводить школы, призывать иностранныхъ учителей, готовить русскихъ ученыхъ людей дома, посылать ихъ въ иностранныя школы и т. д. Все это требовало времени; послѣ-Петровская неурядица и ничтожество его преемниковъ замедляли дѣло, и потому результаты его заботъ въ этой области являются съ нѣкоторымъ обиліемъ уже только ко второй половинѣ вѣка; но и къ концу первой успѣла развиться энергическая и многосторонняя дѣятельность Ломоносова. Въ Петровское время уже ясно высказывается однако то отно-шеніе, въ которое наука неминуемо должна была стать къ ста-рому быту. Вопіють обыкновенно противъ нарушенія преданія: но преданіе было уже впередъ, ничего не видя, противъ науки, и чтобы дать мѣсто послѣдней, надо было отвоевывать его у стараго предубѣжденія, суевѣрія и невѣжества. Преданіе было такъ сильно, что смѣшно говорить, будто бы Петръ Великій былъ въ состояніи сразу его нарушить и подорвать. Совсѣмъ напротивъ, оно было такъ могущественно, имѣло глубокіе корни въ такой подавляющей массѣ людей, такъ пронизало ихъ быть, мировоззрѣніе и привычки, что не только во времена Петра, но и долго спустя, и даже теперь, послѣ того, какъ мы праздни-вали двухсотлѣтній юбилей его рожденія, наукѣ приходилось и приходится продирается черезъ толщу традиціоннаго невѣжества и предрасудка. Наука издавна и донинѣ все еще составляетъ интересъ незначительнаго меньшинства.

При Петрѣ В. и въ теченіе всего XVIII вѣка вообще ника-кому разумному челоѣку не приходила въ голову мысль о какомъ-нибудь противорѣчій между наукой, взятой съ запада (ее не откуда больше было и взять), и нашимъ народнымъ духомъ,—тогдашніе образованные консерваторы говорили послѣ только о дурныхъ нравахъ, притомъ только нравахъ свѣтскаго общества,—которыхъ не слѣдовало заимствовать не у запада, а специально изъ свѣтскихъ нравовъ французскихъ. Полагалось напротивъ, что наука намъ необходима, потому что окажетъ пользу въ жизни народа и государства, и что она послужитъ къ возвышенію народнаго духа; ясно было ея противорѣчіе съ